

умело разграничивать светские и религиозные мировоззренческие аспекты. При подготовке, в ходе переподготовки и повышения квалификации преподавательского и офицерского состава могут быть существенно расширены учебные планы за счет включения в них спецкурсов по следующей тематике: военные аспекты христианского вероучения; христианские покровители; государственно-церковные отношения в Российской Федерации: история, теория, механизмы, военно-политические аспекты; христианское сектантство и его политическое содержание.

9). Вектор военно-религиозных отношений должен определяться не столько пастырским присутствием в воинских коллективах, сколько реальными сдвигами в области формирования веротерпимости и уважения к людям иного мировоззренческого, в том числе религиозного выбора.

В качестве обобщающего вывода по проблеме обсуждения следует отметить, что мероприятия, проводимые совместными усилиями Смоленской епархии и коллективом Военной академии, в значительной степени способствуют успешному усвоению учебной программы, оздоровлению морально-психологического климата в воинском коллективе, укреплению воинской дисциплины и правопорядка, положительно решают проблемы межличностных взаимоотношений. Такого рода мероприятия могут стать объектом пристального внимания в других образовательных учреждениях и предметом повторения в качестве положительного опыта.

О специфике формирования университетского образования в России*

Н.И. Кузнецова

Государственный университет – Высшая школа экономики

История формирования системы высшего образования в России весьма поучительна. Но «поучения», т.е. исторические уроки, как известно, могут интерпретироваться весьма различным обра-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-03-58302 а/Ц

зом, вести к прямо противоположным оценкам. История европейских университетов вообще сложна и противоречива, а в России формирование системы университетского образования шло по собственному сценарию. Поскольку Россия заимствовала западно-европейские культурные образцы, имелась возможность учесть накопленный опыт, взвесить «плюсы» и «минусы», наметить для себя оптимальный путь. О «преимуществах догоняющего развития» достаточно часто писали политологи XX века (см.: 11). Возможно, мы могли бы использовать эти преимущества и в начале XXI столетия. Как бы там ни было, главной задачей было – суметь приспособить европейский опыт к своеобразию исторического развития страны.

В целом можно сказать, что в истории российского университетского образования наблюдались две альтернативных тенденции, условно говоря, их можно назвать «прогрессивной» и «регрессивной». Первая связана с высокой оценкой университетов и предоставлением им широких полномочий, возможностей автономии и гарантий определенных гражданских прав членам «университетской корпорации», вторая – с отрицательной оценкой деятельности университетов и, соответственно, с серьезными ограничениями их автономии. Последнее вело к очередным университетским реформам, которых было несколько в течение XIX столетия. Если сегодня ссылаться на историческую традицию, то необходимо учитывать эту альтернативность оценок и рассматривать, в каком именно историческом периоде высказывались те или иные мнения. Нам представляется, что необходимо непредвзято взглянуть на историю российских университетов и, рассматривая современные проблемы, избежать односторонности, построить, так сказать, стереоскопическое видение прошлого.

Хотелось бы также обратить внимание, что в кратко реконструированной нами истории российского университетского образования важнейшую роль играли не столько глобальные социальные закономерности, сколько конкретные личности. История университетов в России глубоко персональна. Это также следует правильно оценить. Е.Т. Гайдар в своей недавней книге выразительно заметил: «Опыт XX в., накопленный после того, как были написаны работы К.Маркса и Ф. Энгельса, посвященные законам истории, показал, что они менее жестки, чем это представлялось основоположникам марксизма. Выбор стратегии развития на десятилетия

зависит от факторов, которые невозможно прогнозировать. Роль личности в истории больше, чем думали классики марксизма» (1. С. 204). В данном случае мы также можем подтвердить этот тезис.

Личность – это всегда случайность. Выбор и внедрение определенных социальных институтов для развития российской науки и высшего образования, придание этим институтам тех или иных организационных форм зависели от конкретной личности. История эта, таким образом, вполне волюнтаристская! Как показывают «уроки истории», многое, очень многое зависит от нашей собственной воли и принятой на себя ответственности. История высшего образования в России – это не безличный, общезакономерный, «неумолимый» процесс, а ряд *персональных решений, предпочтений, действий*.

Мой собственный тезис состоит в следующем: университетская идея – подлинно животворящая идея европейской цивилизации. Россия успешно восприняла эту идею, заимствуя не просто формальный социальный институт («университет»), но и соответствующую социокультурную традицию, доказав, в частности, тем самым «европейскую природу» отечественной культуры и – более широко – своей ментальности. Однако движение по этому пути не гарантировано прошлым, а по-прежнему является нашим собственным выбором, определяется нашими волевыми предпочтениями и решениями. Рассмотрим, как это происходило.

Университет, как выражаются некоторые историки, – это дар, который Высокое Средневековье преподнесло Европе Нового времени (см.: 9). Европейские университеты как учреждения, которые готовили «кадры высшей квалификации», возникли в XII веке, а на их базе в дальнейшем появились организационные формы, в которых функционировала и развивалась европейская наука. В XVII веке учреждено Лондонское Королевское общество, открыта Парижская Академия наук. Европейская традиция, таким образом, идет от университетов – к специфическим организационным формам научного сообщества. В России, заметим сразу, путь был обратным. И чрезвычайно коротким.

Формирование института российской науки было основано на решении Петра I, который подписал Положение о создании Санкт-Петербургской Императорской Академии наук в январе 1724 г. С культурологической точки зрения, в этом решении российского императора можно усматривать попытку монтажа двух основ-

ных социокультурных образцов – Лондонского королевского общества и Парижской Королевской академии наук. «Протекторат» высшей власти был указан в самом названии нового учреждения, а парижский институт демонстрировал, каким образом можно привлечь «ученых людей» для работы по контракту. Иными словами, академики поступали на «государеву службу» и получали достаточно высокое «академическое жалованье» за свою работу. Для России XVIII в. другой вариант Академии наук, по сути дела, просто не мог быть реализован. «Ученые люди», за неимением своих, приглашались из-за рубежа. В 1725 г. первый «научный десант» появился в Санкт-Петербурге: 13 академиков, из которых двое были швейцарцы, один француз и десять немцев, приступили к работе на берегах Невы (см.: 3).

Известно, сколько насмешливой иронии вызывало волюнтаристское решение российского самодержца учредить Академию – для занятий самыми передовыми областями научных исследований – в малограмотной стране, где катастрофически не хватало массовых элементарных школ. В ответ на эту инициативу – не только непонимание современников, но и резкие выпады демократической интеллигенции XIX века. Например, Д.И. Писарев неоднократно презрительно отзывается о самом проекте академической науки, которая была «привезена» и «пересажена» на российскую почву декретом императора. Он писал: «...петровский период искусственного насаждения наук в России (подчеркнуто мной – Н.К.) продолжается до наших времен и, может быть, будет продолжаться еще для наших детей и внуков» (8. С. 57). Формально такая оценка возможна, но правильна ли она по сути дела?..

Петровский сценарий развития Академии предусматривал три основных сферы деятельности для приглашенных ученых: 1) приращение знаний; 2) обучение молодых людей; 3) различного рода экспертиза (см.: 3). Соединение исследовательской и педагогической работы было необходимо для «воспроизводства кадров», для смены в перспективе ученых-иностранцев «природными русскими», как тогда выражались. Поэтому в Проекте Петра I было указано на необходимость создания Академического университета и гимназии. Так появились в лексиконе российского народа еще два новых слова, две новых практики обучения молодых людей. Император пояснял свою мысль следующим образом: хотя уже принято в Европе, что для развития наук и художеств употребля-

ются обычно два различных учреждения («здания») – «Академия» и «университет», в России необходимо создать единое научно-образовательное учреждение. «Понеже ныне в России здание к возрощению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу...» (цит. по: 2. С.429). Таково было *предпочтение* российского варианта, с первых шагов появилось, таким образом, своеобразие отечественной традиции университетского образования. Собственно говоря, именно это одновременное учреждение и Академии, и Университета привело к тому, что к концу XX в. всеми признанное первенство Московского университета вдруг стало оспариваться в Санкт-Петербурге (см.: 4).

Регламент 1747 г. все еще повторяет это «академическое расположение» университета: «Россия не может еще тем довольствоваться, чтоб иметь людей ученых, которые уже плоды науками своими приносят, но чтобы всегда на их места заблаговременно наставляль в науках молодых людей, а особливо что за первый случай учреждение академическое не может быть сочинено инако, как из иностранных по большей части людей; а впредь должно оно состоять из природных российских. Того ради к Академии другая ее часть присоединяется – Университет» (цит. по: 2. С. 443). Подчеркнем, что финансирование было единым: «академическими сотрудниками» считались и академики-профессора, и адъюнкты, писари и переводчики, различного рода технические служащие, студенты и частично – гимназисты, поскольку все они брались на «казенный кошт». Штат, впрочем, не был слишком велик для большого государства: в январе 1726 г. жалование в Академии получали 34 человека.

Академический университет, тем не менее, никак не мог соответствовать европейским образцам – по своему смыслу, это был, выражаясь современным языком, «рабфак», который готовил для продвижения вверх по академической лестнице. Студентов набирали как рекрутов, в любой момент могли отозвать и направить в другое место «государевой службы». Ни о каких «вольностях», гарантиях прав, ни о какой «университетской корпорации» здесь не могло быть и речи. Первое серьезное учреждение, которое может считаться соответствующим духу западно-европейской «университетской идеи», – это все-таки Московский Императорский университет, открытый в 1755 г. под высоким покровительством дочери

Петра Елизаветы. Проект его создавали фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов и первый «природно российский» академик Михаил Васильевич Ломоносов. По сути дела, только теперь произошла подлинная «пересадка» социального института, важнейшего для нашей страны, ее культуры, ее гражданского самосознания. Трудно переоценить роль этих персональных заслуг Шувалова и Ломоносова в истории нашего Отечества.

«Университетская идея» на российской почве постепенно приобретала конкретность, зримые контуры. Специфика первого отечественного университета состояла, прежде всего, в том, что он был сугубо светским и включал три факультета, а не четыре, как в Западной Европе: философский, медицинский и юридический. На Западе отсутствие теологического факультета вызывало недоумение, – какой же может быть университет без такой важнейшей специализации! И дело тут было не в атеистических взглядах основателей нового учреждения, а в том, что подготовка православных кадров высшей квалификации еще со времен Петра поручалась Синоду. Проект Московского университета, таким образом, следовал имеющейся традиции, и неприятия в рамках господствующей идеологии не вызывал. В то же время, как и в западно-европейском университете, по своей роли философский факультет был базовым, общеобразовательным: для того, чтобы учиться на юриста или медика, необходимо было получить философское образование. При Университете необходимым образом открывалась гимназия, которая готовила к будущей студенческой жизни. В 1760 г. в Московском университете было 30 студентов и 118 гимназистов (все – «казеннокоштные»). Казалось бы, немного, но, как многократно повторял Шувалов, – все должно происходить «мало-помалу» (таким было его любимое словечко тех времен).

Само пространство университета, все его ритуалы были глубоко знаковыми, символическими. Вот как подчеркнуто торжественно происходило, скажем, посвящение учеников – успешных гимназистов – в студенты. С.П. Шевырев вспоминал: «Один из них обыкновенно обращался с латинскою просительною речью к директору, директор с такою же речью к куратору, куратор произносил латинскую похвалу ректору, профессорам и студентам, и сам из своих рук раздавал шпаги ученикам и медали студентам. Минута в самом деле была торжественная. На глазах столицы наука давала, вместе со шпагою, дворянское достоинство людям всех званий».

ний» (цит. по: 10. С. 239). Заметим, что шпага эта юридически ничего не значила. Однако в своем историческом очерке П.Н. Милюков подчеркивал: «Не следует, однако же, чересчур низко ценить значение той чисто внешней прививки новых культурных элементов... Эти формы, пока еще не наполненные новым содержанием, были, однако же, ассоциированы с *известным*, вполне определенным содержанием, отрицавшим соответствующее содержание русской старины. Внешность, т.е. одежда, пища, жилище, все это – части немого языка культуры, который говорит тем красноречивее, чем резче противоречит окружающей внешности» (7. С. 158).

Одна из самых главных заслуг первого российского университета – создание атмосферы, направленной на воспитание персональности, личности, индивидуальности. Самый комплекс учебных зданий, их убранство, архитектурные решения, с этим связанные, символически подчеркивают, что сверхзадача нового учреждения – формирование интеллектуальной элиты с ее культом книжной, кабинетной работы, самоанализа, самостоятельности суждений. Отметим еще раз, что элитарность интеллектуалов не связана с родovitостью, служебным положением, доходами, как это было ранее. Такого в России еще не было. Появляются и неформальные объединения (например, Дружеское общество Новикова и Шварца, где в основном обсуждались литературные опыты и переводы), вносящие в традиционную московскую культуру новые формы поведения: привычка к индивидуальной интеллектуальной работе сочетается здесь с попытками совместно обсуждать и пропагандировать свои идеалы. С колоссальной скоростью эти новые культурные практики были освоены и стали естественными. Москвичи гордились своими университетскими питомцами, любовались студентами – их яркими мундирами зеленого цвета с красными воротниками, обшлагами и подбоем, хотя поначалу не обошлось без курьезов. Известен случай, когда группу прогуливающихся студентов горожане приняли за пленных шведов (см.: 10. С. 241).

Так называемое «искусственное насаждение» наук и университетского образования, проведенное по инициативе Императорского двора и под его патронажем, дало в России бесценные культурные плоды. Сегодня историки смотрят на петровские преобразования совершенно иначе, чем в середине XIX века Д.И. Писарев. Выразительно перечисление многообразных последствий этой инновации: «В XVIII веке даже в таком традиционном городе, как

Москва, существование университета создавало новый ритм жизни, придавало ей новые краски. Человек университета слушал или читал лекции, давал частные уроки, бывал в театре, на заседаниях литературного общества или мasonicкой ложи, отвозил переводы в типографию, ездил за границу для продолжения образования, т.е. исполнял множество разнообразных ролей, в которых преобладало светское, просветительское начало. Если ранее ритм жизни Москвы задавался церковью, сельскохозяйственным трудом большинства ее обитателей и деятельностью правительственных учреждений, то теперь в этой симфонии появилось новое звучание... Складывалось понятие «университетский город», столь важное для жизни русского общества. Можно спорить о том, какой университет был в России первым, но первым университетским городом, без всякого сомнения, стала Москва. Само основание университета совершенно меняет характер всякого города, и тому немало примеров. Так, в Казани учрежденная гимназия, а затем и университет собирают под одну крышу уже существующие культурные силы, создают в городе особую атмосферу. Два купеческих поволжских города – Самара и Саратов – схожи своей торговой живостью. Но Саратов при этом является университетским городом, и разница бросается в глаза» (10. С. 22; 27).

Характерно, что «университетский человек» был действительно нетрадиционен и стойко противостоял нравам окружающей среды. Н.И. Тургенев (современник данной «культурной прививки») писал: «Если среди всеобщей подкупности, среди подкупной толпы начальников, вероломных судей, которые тяготеют над Россией, случайно встречается какой-нибудь честный и просвещенный чиновник, какой-нибудь честный и стойкий начальник, то почти можно было быть уверенным, что он был в Московском университете...» (цит. по: 10. С. 327). Забавно, что даже Екатерина II отмечала: «с тех пор, как из университета люди вошли в дела, я стала понимать приходящие бумаги» (цит. по: 10. С. 327).

В свое время Ломоносов внушал императрице Елизавете, опираясь на свой опыт управления Академическим университетом, что необходимо соблюсти следующие обязательные условия: 1) свобода самоуправления (это означало – выборность ректоров и деканов). Существовавшие тогда профессорские конференции должны были бы приобрести необходимые «законодательные полномочия». 2) право присуждения ученых степеней; 3) придание

высокого статуса обладателям университетских степеней (что означало в данном случае включение соответствующего положения в Табель о рангах). Скажем сразу: все эти условия постоянно – на протяжении всей последующей истории – находились в состоянии либо полностью, либо частичного невыполнения. Все это были необходимые моменты для формирования автономии «университетской корпорации», но именно здесь – в особенности в первом пункте о самоуправлении – российское государство никак не могло решиться отпустить свои «управленческие вожжи». Но в целом можно только согласиться с мнением И.П. Кулаковой, которая следующим образом подчеркнула специфику российского высшего образования: «К концу XVIII в. Московский университет превратился из искусственной социальной конструкции, которой он был в самом начале, в организм живой... В первой трети XIX в., когда культурная среда достигла определенной степени зрелости, именно Московский университет стал тем модулем, по которому настраивалась вся система российского высшего образования» (5. С. 307).

Далее, как говорилось выше, университетское образование в России то резко шло вперед, то замирало, а кое-когда «университетская идея» признавалась вредной, проводились соответствующие корректировки. Реформы Александра I дают желаемые свободы – в первой трети XIX века открываются университеты в Харькове, Казани, далее присоединяются университеты Дерпта, Вильно. В 1819 г. – торжественное открытие Санкт–Петербургского университета. В течение XIX в. университетскими городами становятся Одесса, Варшава, Томск, Саратов, в 1915 и 1916 гг. – Ростов и Пермь. «Прогрессивные» фазы сменяются «регрессивными»: при Александре I – шаг вперед, при Николае I – стагнация и ограничения; Александр II – шаг вперед к университетским свободам, при Александре III – ограничения; Николай II начинает с развития университетов, но в годы министерского правления Л. Кассо (1910–1914) – резкое отступление, накануне роковой Первой мировой войны – вновь шаг вперед...

Далее история государства российского резко меняет свою траекторию, и при Советской власти говорить о свободах «университетских корпораций» уже просто не приходится. Сегодня, к сожалению, вновь под вопросом выборность ректоров, хотя наблюдается лавинообразный рост университетов по всей территории страны.

Но это уже не история, а современность, в которой нелишне вспомнить о пройденных путях, о специфике университетского образования и о том, сколь был важен для России «университетский человек». Сверхзадачи, которые выполнялись университетами, та миссионерская роль, которая выпала им на долю, – быть пространством, где формируется личность, гражданин, где образование неотделимо от воспитания, остаются и для нас, нынешних, Большим уроком истории.

Согласно афоризму Эриха Юрьевича Соловьева, «интеллигент – это человек, сознание которого *не определяется* его бытием». Именно такую воспитательную задачу хотелось бы решать и нынешним университетским педагогам. Именно такая была завещана теми, кто стоял у истоков.

Литература

1. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
2. История Академии наук СССР. В 3-х т. Т. I. М.-Л., 1958.
3. Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России. М., 1997.
4. Кулакова И.П. Спор о первородстве: 275 лет Санкт-Петербургскому университету? // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 57–92.
5. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.
6. Копелевич Ю.Х. Возникновение научных Академий. Л., 1974.
7. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. М., 1995. Т. 3.
8. Писарев Д.И. Соч. в 4-х т. М., 1955. Т. 2.
9. Уваров П.Ю. Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 1993. М., 1993.
10. Университет для России: взгляд на историю культуры XVIII столетия / Под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М., 1997.
11. Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge; Massachusetts, 1962.